

ПОСЛЕДНИЕ годы все чаще актер кино сходит с экрана непосредственно к зрителям. Случается это и на всевозможных, республиканских, студийных кинофестивалях, и на премьерах фильмов, и на эстраде. Актер кино теперь постоянный и постоянный гость в любом доме. Великий волшебник-телеэкрэн во многом обогатил нашу духовную жизнь.

Непосредственные встречи со зрителями для нас, киноактеров, всегда большой праздник. И идем мы на каждую такую встречу, как на свидание с любимой. Увидеть живые глаза зрителя, услышать оценку твоего труда, пусть даже критическую, обменяться мнениями, поспорить или просто по душам поговорить — все это несравнимо ни с чем! После таких встреч тебе и мир видится другим — более многогранным, более интересным. По-новому чувствуешь всю важность, ответственность и неповторимость своей профессии. Поэтому, оставшись наедине, ты снова и снова анализируешь пройденный тобой творческий путь. Право же, становится иной раз мучительно больно от сознания, что ты как художник подчас неосмысленно, без любви, без горения «участвовал» в том или ином фильме, который не нес в себе никакого идейного заряда и не отличался глубокой разработкой человеческих характеров.

Л. Н. Толстой писал, обращаясь к В. А. Гольцову: «Для того, чтобы художник знал, о чем ему должно говорить, нужно, чтобы он знал то, что свойственно всему человечеству и, вместе с тем, еще неизвестно ему, т. е. человечеству. Чтобы знать это, художнику нужно быть на уровне высшего образования своего века, а главное жить не эгоистично жизнью, а быть участником в общей жизни человечества. И поэтому ни невежественный, ни себялюбивый человек не может быть значительным художником... Для того чтобы говорить хорошо то, что он хочет говорить (под словом «говорить» я разумею всякое художественное выражение мысли), художник должен овладеть мастерством... Для того чтобы от всей души говорить то, что он говорит, художник должен любить свой предмет. А для этого нужно не начинать говорить о том, к чему равнодушен и о чем можешь молчать, а говорить только о том, о чем не можешь не говорить, о том, что страстно любишь...»

Какая глубокая мысль, какие слова! Адресованы они непосредственно художнику-писателю, но мне думается, что эту мысль Л. Н. Толстого обязан взять на вооружение любой художник, в особенности художник-кинематографист, ибо именно ему приходится чаще других «разговаривать с человечеством».

Конечно, задачи советского художника-кинематографиста выросли и усложнились. Теперь недостаточно любить свою профессию, недостаточно овладеть мастерством, быть образованным, говорить от всей души о том, о чем не можешь не говорить, и т. д. Современный советский актер должен быть не художником вообще, но идеологическим бойцом партии, участвовать в формировании нового человека общества развитого социализма.

На XXV съезде партии Л. И. Брежнев говорил: «Ничто так не возвышает личность, как активная жизненная позиция, сознательное отношение к общественному долгу, когда единство слова и дела становится повседневной нормой поведения. Выработать такую позицию — задача нравственного воспитания».

Все ли наши экранные герои занимают активные жизненные позиции, сознательно относятся к общественно-

му долгу? Не пора ли современному киногерою выглядеть на экране не просто хорошим, порядочным человеком, но быть **новым человеком своего времени**. Ведь именно это хотят видеть живые глаза зрителей!

Меня, по правде сказать, настораживает всеядность актера, причем актера популярного, не обойденного вниманием зрителей, который снимается сразу в нескольких фильмах, на разных киностудиях, да еще и в театре на своих плечах несет чуть ли не весь репертуар. Эта всеядность мне непонятна прежде всего в плане творческом.

ЖИВЫЕ ГЛАЗА ЗРИТЕЛЯ

Зритель ждет от нас, киноактеров, высокохудожественного образа, показа личности крупной, богатой духовно, морально чистой и глубоко эмоциональной. Разве может плодотворно протекать процесс творчества, когда перед актером, как в калейдоскопе, масса ролей, множество режиссеров, съемочных групп и киностудий? И все время такой актер в пути: реактивные самолеты, скорые поезда, машины, лишь бы не опоздать на съемку, лишь бы не опоздать в театр. Навивным кажется великий Щепкин со своим советом «влезать в шкуру образа»: получается так, что «шкур» много, а актер один. Мне думается, однако, что повинен в этом не только актер, но и режиссер, который в силу творческой инерции берет апробированного актера и эксплуатирует его штампы.

Я преклоняюсь перед большими артистами, которые не позволяют себе работать в киноискусстве «галопом», такими, как Сергей Бондарчук, Михаил Ульянов, Борис Андреев, Николай Крючков, Вячеслав Тихонов. Каждое новое появление их на экране — событие в нашем кинематографе.

Ныне в кино снимаются и многие театральные актеры, снимаются успешно. Значит ли это, что нет никакой разницы в творческом труде театрального актера и киноактера? Нет, она есть.

Давно известно, что актер не может состояться без главного соучастника творчества — зрителя. Мы, киноактеры, в процессе создания фильма вынуждены держать своего зрителя в голове, подразаумывая под ним объектив съемочного аппарата. Но и у театрального актера, когда он снимается, тоже отсутствует зритель.

Надо признать, однако, что театральный актер в большинстве своем хорошо владеет актерской техникой, он ежедневно в тренаже — на сцене и на репетициях. Он знает зрителя не по отдельным, случайным встречам, а по ежедневным спектаклям, он постоянно видит его живые глаза. И как бы мы, актеры кино, ни привыкли работать без зрителя, длительное его отсутствие и долгие перерывы в съемках могут вызвать и застой, и даже нашу творческую смерть. Как раз для того, чтобы этого не случилось, и существует Театр-студия киноактера. Кроме спектаклей и концертных программ, мы иногда (надо, чтобы это было всегда) репетируем киносценарии с последующей их экранизацией, проводим тренировоч-

ные занятия, занимаемся политической учебной и общественной работой. Несмотря на трудности, возможности нашего театра огромны. Если бы большая часть запущенных в производство киносценариев репетировалась в стенах нашего театра, зритель не увидел бы многие серые, скучные фильмы. Прекратились бы ошибки и в выборе актеров и режиссеров.

Будучи на гастролях, мы постоянно ощущаем особое внимание и заинтересованность зрителей. Нас рассматривают, словно под микроскопом. Зримо ощущаешь, что зрительская любовь к киноискусству бурная и непреходящая. Нам, актерам, очень важно оправдать эту любовь и сделать ее взаимной.

Бывает, что зритель, в особенности молодежь, желает подражать киногерою, созданным актером образом, а то и ему самому. Такое желание зрителя — большая честь для артиста, большая творческая радость. И как важно в этой связи артисту быть артистичным во всем!

Но всегда ли мы, служители искусства, можем быть примером изящества, благородства, достойного поведения в нашем творчестве, в повседневном труде и в быту? А ведь нам достаточно хорошо известны в этом отношении прекрасные примеры и уроки.

Помню, было это, кажется, в 1946 году. Ранним солнечным утром я от Центрального телеграфа перехожу улицу Горького, направляясь к Художественному проезду. Навстречу мне величавой походкой идет человек, на могучей фигуре которого прекрасно сидит темно-синий в светлую полоску костюм, на голове у него, немного набок, широкополая велюровая синяя шляпа, в руке бамбуковая трость. Мне показалось, что я вижу перед собой живого бога, настолько излучал он неземную красоту и величие. Ступал он, точно по воздуху, настолько легки и пластичны были его шаги. Ничего старческого! Когда я поравнялся с ним, то, заикаясь, пролепетал: «Здравствуйте, Василий Иванович!» Он одарил меня волшебной улыбкой, слегка приподнял шляпу и, чуть склонив голову, неповторимым, мягким голосом ласково произнес: «Здравствуйте». Он удивился, а я, как зачарованный, смотрел и смотрел ему вслед. И все прохожие тоже останавливались, кланялись и долго смотрели вслед великому артисту.

К сожалению, среди нас давно уже нет великого Качалова. Но разве и при наших скромных возможностях мы не обязаны преподавать нашему уважаемому зрителю такой пример внутренней и внешней красоты, интеллигентности, благородства, всего того, что есть лучшего в нашей жизни? И это относится ко всем нам — и к тем, кто уже отдал искусство десятилетия жизни, и к тем, кто только еще пришел в искусство и перед кем сейчас, особенно после опубликования постановления ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью», открываются необычайно широкие творческие перспективы.

Советский кинематограф проделал большой путь, сделано немало хорошего, но мы видим и знаем наши издержки, мириться с которыми никак нельзя. Нас, работников искусств, Коммунистическая партия называет своими идеологическими бойцами. Какое же это ни с чем не сравнимое доверие, какая громадная ответственность! Я уверен, что среди многочисленной армии идеологических бойцов — советских актеров — не окажется ни одного стоящего в стороне от титанической борьбы партии за воспитание нового человека, за построение коммунизма.

Иван ПЕРЕВЕРЗЕВ,
народный артист СССР.